

Гарри, решив вернуться в подземелья, проследовал мимо входа в свою общую комнату и углубился в лабиринт коридоров. С каждым шагом свет факелов таял, погружая его в пугающую темноту. Коридоры тянулись во все стороны, и Гарри, с легкой тревогой, подумал, что ему понадобится не одна жизнь, чтобы исследовать этот замок до конца. Чем дальше он спускался, тем больше ему казалось, что он оставляет позади привычные комнаты, блуждая по бесконечным пустым коридорам. Наконец, он свернул в особенно длинный и мрачный проход. Гарри чувствовал, что идет по склону, пол становился все более наклонным. Стены, которые до этого были голыми, теперь украшались змеевидным декором, словно в коридоре перед их общей комнатой. Внезапно Гарри почувствовал, что уже бывал здесь раньше, словно переживал дежавю, но в десятки раз сильнее и настойчивее. В этом месте, не только в обстановке, было что-то знакомое, почти родное. Он оглядел змей, украшавших стены, и в его голове вспыхнула дикая, невероятная мысль. Гарри знал, что в магическом мире портреты могут двигаться, даже передавать манеры изображенных на них людей. Они были, в каком-то смысле, живыми. И, разумеется, могли говорить. Он вспомнил, что их общая комната была усеяна змеиными изображениями, картинами, элементами декора. Он читал "Историю Хогвартса" и "Взлет и падение темных искусств Змеинового языка", знал о способности разговаривать со змеями. Когда-то он считал, что его дар, впервые проявившийся в Лондонском зоопарке, был уникальным. Но потом он узнал, что из-за связи с Салазаром Слизерином и, в большей степени, из-за ужасающего наследия Волдеморта, Змеиный язык не воспринимался в позитивном свете. Гарри старался не демонстрировать свою способность, не хотел использовать ее, пока не найдет уединения. Он мечтал попробовать это сделать во время летних каникул, но Дурсли, несмотря на некоторые перемены после визита Хагрида, все еще не спешили его отпускать. Оказавшись в окружении древних змеиных изображений, Гарри поднял взгляд к ближайшему портрету, сосредоточился на нем и прошептал, едва уловимо, словно шипя: — Вы меня слышите? Внезапно коридор ожил. Гарри, погруженный во мрак, не мог видеть, но чувствовал, как змеиные изображения оживают, скользят по стенам. Сотни шипящих голосов слились в какофонию, создавая неразличимый шум. Прошло несколько мгновений, и одно шипение стало звучать громче остальных. — Тишина! Этот голос, если такое вообще возможно на языке змей, звучал властно и авторитетно. Все змеи замолчали, и одна из самых крупных, которую когда-либо видел Гарри, проползла на картину прямо перед ним. Черная мамба, вопреки своему названию, была темного серовато-коричневого цвета, но ее брюхо было бледнее, резко контрастируя с остальным телом. — Ты говоришь? — прошипела змея, глядя на него темными, черными глазами. Гарри вздрогнул, осознав, что она обращается к нему. — Не самый лучший вопрос, учитывая, что я технически могу говорить по-английски, и ты меня никогда не поймешь, но я понимаю, к чему ты клонишь. И да, я говорю. — Гарри поклялся, что змея усмехнулась. — Немного слишком нагло, на мой вкус, но, похоже, ты действительно говоришь. — Мамба оглядела его с критическим взглядом, будто оценивая. Если бы змея не была прикована к портрету, Гарри, скорее всего, уже сбежал бы. — Как тебя зовут, человек? — Гарри, — прошептал он в ответ, все меньше задумываясь о том, как произнести это слово. — Гарри Поттер. — Поттер, говоришь? — зашипела в ответ Мамба. — Мы никогда не общались с людьми с таким именем, хотя прошло уже много лет с тех пор, как мы вообще с ними общались. — Как давно? — спросил Гарри. Время — штука сложная, невидимая, неподвластная кисти художника, и вы, люди, о нем думаете больше, чем мы, змеи. — сказала мамба, — Я не знаю, сколько прошло времени, но это было очень давно. — Ты можешь сказать, кто последний раз с тобой говорил? — спросил Гарри, пристально глядя на портрет. — Она не назвала нам имени, как это сделал ты, — ответила мамба, — Фамилия у нее тоже была необычная. Мы никогда ее раньше не слышали. — Что это было? — Гарри чувствовал, как в его голове закипает любопытство. — Загадка, — прошипела мамба, — но... Гарри с молниеносной скоростью перебирал в памяти фамилию Риддл. К своему удивлению, он ничего не нашел. Если способность говорить на Змеином языке передается по наследству, то он должен был знать эту фамилию, как происходящую от Салазара Слизерина, возможно, даже как чистокровную

дворянскую. Но он никогда не слышал о фамилии Риддл. Казалось, ее даже не упоминали в книге "Природное дворянство: Путеводитель по генеалогии волшебников". Если она не была потомком Салазара Слизерина, а он был уверен, что знал бы фамилию Риддл, если бы она была, то как она могла разговаривать со змеями? Как, в конце концов, он сам мог разговаривать со змеями? Эта мысль заставила Гарри задуматься. Насколько он знал, Поттеры не имели никакого отношения к Слизерину, что должно было сделать общение со змеями невозможным. И все же он был здесь. Он предположил, что, поскольку семья Поттеров была древней, где-то на задворках могла существовать неизвестная интрижка или связь. Если бы это было так, он бы никогда не узнал. Не исключено, что все ошибались. Возможно, не нужно было обладать кровью Слизерина. Это объясняло бы и его самого, и Риддл, но в то же время зависело от того, что столетия волшебники неправильно истолковывали общепринятую концепцию. Иными словами, ему не нравились такие шансы. Он покачал головой, отбросив загадку Змеинового языка и его тонкости на задворки сознания. Сейчас у него были более неотложные дела. — Я никогда раньше не слышал этого имени, — признался он после более длительной, чем обычно, задержки. — Она могла солгать, — шипела другая змея, выдвигая вполне реальную возможность, о которой Гарри никогда не задумывался. — Возможно, — ответила мамба, хотя Гарри мог определить, что змея, о которой шла речь, вовсе не была в этом уверена. — Что тебе нужно от нас, человек? Мало кто будит нас без веской причины. — Вообще-то я хотел выяснить, могу ли я разговаривать со змеями в портретах. Но если вы не возражаете, нет ли здесь заброшенных комнат, которые можно было бы использовать в качестве тренировочных и учебных помещений? — спросил Гарри, не теряя надежды. — Если вы пройдете по коридору мимо этого места и свернете налево, там есть несколько небольших общих комнат, — ответила мамба. — Спасибо, — проворчал Гарри в ответ. Он уже собрался уходить, когда снова услышал отчетливое шипение мамбы. — Спикер! — Змея замешкалась лишь на секунду, когда Гарри повернулся, а затем шипнула в последний раз. — Найди моего брата Кустоса в своем логове. Думаю, он будет вам интересен. Змеи снова затихли, скрывшись в своих портретах и не издавая больше никаких звуков.